с эмоциональными барьерами общения при взаимодействии с представителями других религиозных взглядов чаще чем молодёжь, не задействования в практиках посещения церковных богослужений. В аспекте барьеров стереотипов у молодёжи, читающей религиозную литературу и участвующей в практике церковных богослужений, наблюдается меньший уровень стереотипизированности взглядов чем у молодёжи, читающей религиозную литературу, но не задействованной в практиках церковных богослужений. Данные тенденции можно объяснить тем, что интеграция в религиозное сообщество помогает осмыслению религиозных текстов и раскрытию их позитивной смысловой нагрузки, в том числе и ценности терпимости, но при этом повышается самоидентификация с определённой религиозной общностью, что объясняет проявление эмоциональных барьеров общения при взаимодействие с представителями чуждых им религиозных взглядов.

Список литературы

1. Викентьева С.А. Практика чтения как опыт вовлеченности // Общество: философия, история, культура. 2018. №2. [Сайт]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/praktika-chteniya-kak-opyt-vovlechennosti (дата обращения: 17.10.2018).
2. Выготский Л.С. Психология искусства. СПб., 2016. 496 с.
3. Маркова Н.Г. Культура межнационального общения базовый индикатор межнациональных отношений // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2008. №81. [Сайт]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kultura-mezhnatsionalnogo-obscheniya-bazovyy-indikator-mezhnatsionalnyh-otnosheniy (дата обращения: 21.10.2018).
4. Миронова М.В. Психология и социология чтения [Сайт]. URL: http://studentam.net/content/view/240/24/ (дата обращения: 17.10.2018).
5. Неруш Т.Г., Неруш А.А. Социально-психологические факторы формирования религиозной толерантности в поликультурном регионе с точки зрения молодёжи //На пересечении языков и культур. Актуальные вопросы гуманитарного знания, 2018, № 2. С.106-111.

УДК 811.161.1.09-31 + 929 [Толстой + Скафтымов]

«ВОЙНА И МИР» Л. ТОЛСТОГО: СКАФТЫМОВСКИЙ ОПЫТ «ЧЕСТНОГО ЧТЕНИЯ»

Н.В. Новикова
Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, Саратов

В статье идёт речь о методологически значимом правиле «честного чтения», предложенном А.П. Скафтымовым ещё в начале 1920-х годов и использованном им в том числе в ходе многолетнего изучения «Войны и мира».

Относящиеся к этому рукописные материалы – в извлечениях – публикуются здесь впервые.

Ключевые слова: А.П. Скафтымов, рукописные материалы, «честное чтение», методология, Л. Толстой, «Война и мир».

«WAR AND PEACE» L. TOLSTOY: SKAFTYMOVSKY EXPERIENCE OF «HONEST READING»

N.V. Novikova
Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky, Saratov

The article deals with the methodologically significant rule of “fair reading” proposed by A.P. Skaftymovym in the early 1920s and used them in the course of many years of studying "War and Peace". Related handwritten materials – in extracts – are published here for the first time.

Keywords: A.P. Skaftymov, handwritten materials, “honest reading”, L. Tolstoy, “War and Peace”.

Известная статья А.П. Скафтымова «Образ Кутузова и философия истории в романе Л. Толстого “Война и мир”» увидела свет в конце 1950-х годов [9, 10]. От публикации первых скафтымовских исследований, посвящённых Л. Толстому [6, 7, 8], её отделяет тридцать лет, а от первых черновых записей, относящихся к эпохально значимому произведению, ещё более десяти. Глубинный пласт осмысления учёным первого толстовского романа, как показывают рукописные подготовительные материалы, заметки, черновые наброски, формировался на протяжении нескольких десятков лет. Коллегам А.П. Скафтымова было хорошо известно, что его «анализ каждого художественного явления обеспечивался масштабной предварительной работой», что «медленный темп публикаций никак не свидетельствовал о малой интенсивности» [3, с. 9] её. Сошлёмся на уже опубликованные сведения, подтверждающие этот факт (в архиве учёного сохранился черновик письма, позволяющий уточнить время написания итоговой статьи): отвечая на приглашение к участию в «историко-литературных сборниках», поступившее ему в марте 1945-го года, исследователь сообщает о готовности «со своей стороны <…> предложить» для них пять статей. Второй в этом списке значится: «Полководец Кутузов в романе Л. Толстого “Война и мир” (пересмотр вопроса о “пассивности” и “активности” Кутузова как вождя войн, значение образа Кутузова в системе философско-исторических воззрений Л. Толстого)» [2, с. 145].

Итак, последняя статья А.П. Скафтымова была признана новым словом в науке о Л. Толстом. Учёный, как известно, приходит к выводу о том, что «в “Войне и мире” Кутузов впервые в последовательном идейном обосновании был показан как великий полководец и как народный герой» и что «в этом смысле в истории изучения и освещения деятельности фельдмаршала М.И. Кутузова образ Кутузова в “Войне и мире” для своего времени был большим шагом вперёд» [10, с. 284–285]. Системе анализа, убедившей

крупнейших специалистов и ценителей толстовского творения, предпосылались вопросы, подразумевавшие живучую «теорию двух Толстых»: «Действительно ли философско-историческая теория Толстого в романе “Война и мир” исключает всякую руководящую деятельность и от исторического деятеля не требует ничего, кроме пассивной покорности стихийно складывающимся обстоятельствам? Действительно ли о деятельности Кутузова Толстой говорит лишь там, где описывает его поведение как художник, и никогда об этой деятельности не говорит, никогда её не обозначает, если о том же Кутузове он рассуждает обобщённо, как историк-мыслитель?» [10, с. 252–253]. Логика аналитической аргументации А.П. Скафтымова приводит к закономерному и исчерпывающему ответу: «Во всём содержании образа Кутузова Толстой осуществлял свою концепцию, последовательно выраженную в художественной конкретности и в обобщённых теоретических суждениях. <…> Особенность Кутузова по сравнению с другими историческими деятелями, представленными в “Войне и мире”, состоит, по Толстому, не в его “пассивности”, а в особом характере его деятельности, сознательно подчинённой внеличным, народным целям, сообразно исторической необходимости» [10, с. 286]. Таким образом, было преодолено «упрощающее представление о соотношении толстовской философии истории и художественной ткани “Войны и мира”» [1, с. 130], «механистическое» по сути.

Как же складывалось обезоружившее оппонентов представление А.П. Скафтымова о толстовской концепции романа в ключевых её пунктах – образе Кутузова и философии истории? В имеющемся составе подготовительных материалов к статье различаются сформированные исследователем подборки, состоящие из листочков небольшого формата (примерно в половину тетрадной страницы и меньше), сложенных по большей части в согнутые пополам тетрадные обложки. Подборки эти компоновались с дооктябрьских лет до середины 40-х годов, по мере ознакомления с литературно-критической и исследовательской рецепциями романа, мемуарными и эпистолярными его источниками, историографическими и философскими трудами, а также – в процессе последовательного постижения толстовского художественного мира и непосредственно по ходу прочтения произведения, к чему исследователь возвращался многократно: в соответствии с обновляющейся литературоведческой ситуацией, меняющимися историческими условиями и самое главное – как любил повторять А.П. Скафтымов – с углубляющимся «запрашивающим интересом» педагога, учёного, гражданина. Перед нами – оснащённая выписками библиография, воссоздающая подвижную картину изучения философско-исторических взглядов писателя с фигурой Гегеля в центре; отсылки к обширной мемуарной литературе о войне 1812 года и отдельно о М.И. Кутузове, которой располагал Л. Толстой и которая появилась после выхода в свет романа; конспективно воспроизведённые критические отклики и суждения толстоведов.

Однако как бы ни был внимателен А.П. Скафтымов к истории и генеалогии вопроса, основные усилия он будет прилагать непосредственно к «медленному чтению» произведения и будет неукоснительно следовать

правилу «честно читать», заявленному наиважнейшим в методологическом выступлении 1922 года: «Исследователю художественное произведение доступно только в его личном эстетическом опыте. В этом смысле, конечно, его восприятие субъективно. Но субъективизм не есть произвол. Для того, чтобы понять, нужно уметь отдать себя чужой точке зрения. Нужно честно читать. Исследователь отдаётся весь художнику, только повторяет его в эстетическом сопереживании, он лишь опознаёт те факты духовно-эстетического опыта, которые развёртывает в нём автор» [5, с. 34]. Молодой литературовед подчёркивает «самое важное», с его точки зрения, в постижении художественного явления: «…интерпретатор не бесконтролен. Состав произведения сам в себе носит нормы его истолкования. Все части произведения находятся в некоторых формально-определённых отношениях. Компоненты даются и берутся во всей сложности контекста, льют свет друг на друга, и через сопоставление частей, через целостный охват всего создания неминуемо должна раскрываться центральная значимость и эстетический смысл как отдельных частностей, так и всего целого» [5, с. 34-35].

Разрешение универсальной задачи – сосредоточиться на выяснении «идейного наполнения образов» – позволяло, по мысли учёного, погрузиться во «внутренний состав» [10, с. 499–500] произведения. Исследователь выбирает путь изучения под таким углом зрения прозы Л. Толстого и «Войны и мира» как её вершинного создания.

О том, каков пафос разрастающихся наблюдений над тканью романа и аналитических оценок его концептуальной сути, можно судить по позднему признанию учёного, из письма Ю.Г. Оксману летом 1959 года: «В нашем деле я смолоду всегда отрицательно относился ко всякой произвольной психологистике и философистике. <…> Все по-разному, но все одинаково безответственно “своё” навязывают автору» (наряду с «психологистикой» Д.Н. Овсянико-Куликовского, позициями фрейдистов и переверзевцев исследователь имеет в виду «измышления» Д.С. Мережковского и М.О. Гершензона. – *Н.Н.*) [4, с. 289]. Письму этому, по словам Е.П. Никитиной, суждено было стать «поистине скафтымовской заповедью» [3, с. 18]. Она возвращает к первоначальным научным впечатлениям и воспринимается сейчас именно в свете исследования, закольцовывающего труд всей жизни: «Я нигде не позволял себе никаких измышлений от себя. Если я говорю о “психологии”, то только в том содержании и в тех пределах, в каких об этом идёт речь в самом произведении. При размышлениях над художественным произведением меня интересовала не “психология” сама по себе. Меня интересовала внутренняя логика структуры произведения (взятого, конечно, во всём целом). “Психология” – это только материал для мысли (говорю о мысли, т. е. о “пафосе” художника). И никогда я не навязывал автору никакой “философии”. О философствующей мысли всегда говорилось лишь изнутри, т. е. насколько к этому обязывали все данные, заключённые в содержании и соотношении всех частей и элементов, составляющих целое. Помню, что в этом отношении я всегда был к себе очень строг. Я старался сказать о произведении только то, что оно само сказало. Моим делом тут было перевести сказанное с языка

художественной логики на нашу логику, т. е. нечто художественно-непосредственное понять в логическом соотношении всех элементов и формулировать всё это нашим общим языком. Тут о какой-то преднамеренной “психологизации” или “социологизации” и речи не могло быть» [4, с. 290].

Обратимся к малой части рукописных заметок А.П. Скафтымова, подготовивших корпус статьи о Кутузове и философии истории в «Войне и мире». Скорее всего, первая интересующая нас запись приходится на время выработки исследовательской методологии, то есть на рубеж 1910-1920-х годов. Одно из ранних признаний целесообразности рассмотрения романа в широком контексте жизни и творчества Л. Толстого – в наброске биографической канвы писателя: «Толстой-семьянин. Изучение времени декабр<истов> и Отеч<ественной> войны. Роман “Война и мир”. Его ценность».

Далее помещаем заметки начала 1924-1925-го учебного года об изучении Толстого «с помощ<ью> сем<инарских> занятий». Научный руководитель планирует сделать это «в один год». Касательно «Войны и мира» определяются следующие задачи: рассмотреть «батальные картины Т<олстого>» и провести «сличение по изданиям», охватывая «историю замысла романа <…>; тенденции изменений 1 части р<омана> “В<ойна> и м<ир>” (по рукоп<иси> и трём изданиям); элементы семейных преданий в романе “Война и мир” (кроме Наташи); Николая Ростова; творческие мотивы худож<ественной> переработки печатных источников романа».

Предположительно после только что приведённых записей, которые отражают начальный этап аналитической работы, должны располагаться публикуемые ниже, охватывающие уже всё творчество писателя. На первой странице подборки «Толстой. Прогр<амма>» – многосоставная история вопроса:

«Тексты Толстого. Отсутствие критических изданий. Имеющиеся издания. Степень их удовлетворительности. Дополнительные издания текстов в сборниках и периодических изданиях. Рукописи Т<олстого>, места их хранения. – Биографические материалы и обзоры. Письма Толстого: собрания писем и дополнительные печатания в сборниках и периодических изданиях. Воспоминания о Толстом, их малочисленность, наиболее ценные из них. Общие биографические обзоры <…> их ценность и взаимные отличия. – Изучение творчества Т<олсто>го. Литературная критика о Толстом при его жизни. Позднейшие работы о Толстом: а) по освещению идеологического содержания творчества: Овсянико-Куликовский, Мережковский, Вересаев, Шестов, Иванов-Разумник, Аксельрод, Плеханов; б) наблюдения в области худож<ественных> приёмов, манеры Т<олсто>го: Зверев, Мережковский, Эйхенбаум и др<угие>. Недостаточность изучения Толстого. Очередные проблемы изучения и установление его исторической роли и места в общем развитии литературы (соотношение с литературной традицией <…>)».

Источниковедческая, литературно-критическая и научная составляющие «Программы», пропущенные через систему скафтымовских координат, обеспечивали явственное представление об уровне понимания Л. Толстого.

Отталкиваясь от него, намечались перспективы изучения, способствующие максимальному приближению к сердцевине толстовского текста. На 15-й странице «Программы» – о Л. Толстом 1860-х: «Тяготение к семейной жизни. Знакомство с семейством Берсов. Женитьба. Первое время семейной жизни. Подготовительные работы к ”Войне и миру”. Вывих руки. Болезнь детей. Общение с соседями (Фет, Киреевские). Чтение Шопенгауэра. Поездка в Пензенскую губернию. Казнь рядового Шибунина. Защита Толстого. – Работа над романом “Война и мир”. Письмо к Фету 1864 г<ода>. Изучение семейных преданий. Работа в Библиотеке Румянцевского музея. Разыскание рукописных материалов. Начало печатания. Обработка текста. Текст “Русского Вестника” (“1805 год”), текст издания 1864–1869 г<одов>, текст издания 1873 г<ода>. Сокращения, переделки, вставки».

Обращает на себя внимание то, что для доподлинного прочтения «Войны и мира» исследователю по-прежнему необходима толстовская жизнь во всей её полноте: с милой, счастливой, волнующей домашностью; дружеским кругом общения; потребностями сердца, ума, духа; тревогами и трагедиями жизни общей, отозвавшимися в беспокойной душе художника и гражданина; с интенсивной творческой работой. По прошествии нескольких лет точечно схваченное разрастается и в преподнесении А.П. Скафтымова получает совершенно чёткий абрис, специфическую проекцию, методологическую прописку. Заметим, что скафтымовская статья «о соотношении теоретического и исторического рассмотрения в истории литературы» заканчивается важной для автора мыслью: «В пределах генетических построений история литературы утилизирует исторические приёмы изучения во всей полноте (изучение биографии, ближайшей среды, общих условий соответствующей эпохи и прочее), поскольку они окажутся нужными для причинной психологической интерпретации художественного произведения» [1, с. 47]. К сожалению, 16–18 страницы, в которых ожидаемо продолжение разговора о «Войне и мире», отсутствуют.

В очередной подборке записей, свидетельствующих о целенаправленном расширении горизонтов, наращивании темпов в занятиях Л. Толстым в целом и «Войной и миром» в частности – страничка с рубрикацией «Наполеон и Кутузов в р<омане> “Война и мир”». Этот узкотематический список разнопорядковой специальной литературы показателен тем, что первый в творческой лаборатории А.П. Скафтымова. Он будет корректироваться и в части источниковедческой, и в части историографической, а также литературоведческой, далеко не в полном объёме будет напрямую использован в итоговой статье, но сам факт его появления говорит о начале фундаментальной «профильной» подготовки исследователя к осмыслению глубинных проблем романа, за шестьдесят с лишним лет его существования так и не получивших соразмерного разрешения.

Пытаясь проследить движение исследовательской мысли, коснёмся ещё одного её звена – подборки записей с заголовком «Когда заражался желанием писать». Время их появления без труда устанавливается по времени выхода в свет книги, откуда А.П. Скафтымов делает выписки: это том «Русские писатели

о литературе» 1939 года издания. Исследователь, перелопачивая собранный здесь материал, группирует его по-своему, извлекая нужный ему эффект. Так возникают разделы: «Замысел», «Замысел и импульс», «Импульс», «Материалы и источники. Натура», «Прототипы», «Изучение материалов», «План», «Типы и формы плана», «Формирование произведения», «Словесное воплощение», «Как работали (режим)», – логически стройно и психологически обоснованно воспроизводящие магистраль творческого процесса, этапы рождения художественного произведения. А.П. Скафтымов останавливается на «материалах к р<оману> “В<ойна> и м<ир>” и к “Хаджи-Мурату”», общим знаменателем которых является для него «всё историческое». Учёный ссылается при этом на толстовские признания из «Нескольких слов по поводу романа “Война и мир”» («Везде, где в моём романе говорят и действуют исторические лица, я не выдумывал, а пользовался материалами, из которых у меня во время моей работы образовалась целая библиотека») и из письма к И.И. Корганову от 25 декабря 1902 года («Когда я пишу историческое, я люблю быть до малейших подробностей верным действительности») и резюмирует приведённые высказывания: «В освещении фактов собств<енное> осмысление. Психологизация. Детали. Философия истории <…>».

Касаясь разнообразия «типов и форм плана», А.П. Скафтымов определяет специфические особенности творческого процесса Л. Толстого, когда «первонач<альные> планы оказывались лишь эмбрионами». В связи с этим возникает необходимость говорить о «ломке плана, отходах», что показывается на примере автобиографической трилогии и «Войны и мира»: «От “Декабристов” и перемены в замысле. Наконец останавливается: “1805 год”. На пути от семейного романа к военной истории и философии истории. Непредвид<енные> образы. <…> Андрей Болконский – не было. Был Борис Друбецкой – не всё, многое иное. Потом становится сыном старика Болконского. Понадобился юноша, убитый при Аустерлице, и пр<очее>».

Внутренние готовности зрелого учёного достигли оптимальной высоты для развёрнутого концептуального высказывания о толстовском романе. В соприкосновении с воочию представленными этапами, пружинами творческого процесса гениального писателя они высветили оснастку процесса исследовательского, и возник тот самый импульс. Основной поток скафтымовских наблюдений над текстом «Войны и мира», набросков, заметок нацеленного звучания изобильно потечёт после обозначенного рубежа, и усиленная эта работа придётся на канун войны, ставшей Великой Отечественной, и закономерно активизируется ей: тема обязывала.

В это время А.П. Скафтымов размышляет о «героизме массы и вождя», отталкиваясь от того, «как это обычно излагается»: «Масса всё, вождь ничего. Масса стихийна, той же стихии должен отдаваться и вождь. Отречение от себя, о котором говорит в этом случае Т<олст>ой, понимается как полное отречение от своей воли». С точки зрения исследователя, «понять Т<олсто>го только так – упрощение»: «признание за Кутузовым особой исторической заслуги становится совершенно непонятным», «да и понятие о героизме вообще исчезает. <…> А между тем Толстой, – продолжает А.П. Скафтымов, – вовсе не

снимает это понятие и непрерывно говорит о заслуге, принадлежащей Кутузову (здесь и далее подчёркнуто в рукописи. – *Н.Н.*)». При этом «Толстой ставит волю вождя в зависимость от массы, но тем самым вовсе не снимает у полководца его роли руководителя».

Особое внимание А.П. Скафтымов уделяет «массе»: «Что такое масса – в описании Т<олсто>го? <…> Что такое солдатская масса в её настроениях и поведении. <…> Масса – много воль, несовпадаемых, разнообразие – необходимость – организация и организованность. <…> внешняя организованность совсем необходима и зависит от руководства». По мнению исследователя, «Т<олст>ой не отрицал важности активной роли вождя и в этом случае, т<о> е<сть> в деле морального воодушевлен<ия>, активного морального воздействия командира на войско». Развивая мысль, он задаётся вопросом, на который находит свой ответ: «Но вот когда уже “дух войска” определился и совпал в своих стремл<ениях> с целями сражен<ия>, останавливается ли на этом его роль? Нет». По А.П. Скафтымову, «Кутузов знал о моральной готовности войск дать сражен<ие> Наполеону. Знал, что к этому все стремились. И тем не менее предпринял отступление, т<о> е<сть> шёл вопреки воле войск. Изучает обстоятельства. Сложность их. Позволят ли они целесообразно применить эту создавшуюся моральную готовность. <…> Обстоятельства не обещают этой целесообразности – сдерживает вопреки общей воле. Искание путей и указание этих путей принадлежит вождю. И в этом его гений. Кутузов, засыпающий на Совете при обсуждении диспозиций, сам придумывает их по ночам. <…> Учтя силу обстоятельств, приходит к главной необходимости отдать Москву и властью отдаёт приказание».

В скафтымовской логике «оставление Москвы» есть проявление присущего Кутузову «скрытого патриотизма», который «вместе с частью впечатлен<ий> пережитого формируется незаметно, живёт в подсознании», «отодвигает своё личное, удобства, жизнь», вызывает «чувство связи с общим, ”своим”, ”нашим”». Говоря о «скрытом патриотизме», исследователь словно своих современников, защитников Отечества, имеет в виду: «Вдруг, среди всего другого, человек наталкивается на это как на внутренний неоспоримый решающий аргумент. Чувствует, что он не только отличный от других, но и общий с ними». Отмечается и показанный Л. Толстым «героизм в “мирном населении”». «Мирная жизнь, – в восприятии А.П. Скафтымова, читающего «Войну и мир», – пропитана чувством войны – хотя скрыто. В семье Болконских. В семье Ростовых. Всюду. И когда приходит момент – героизм: старый князь, кн<яжна> Марья, Петя Ростов и Наташа Ростова, Пьер». Исследователь обобщает: «Масса населения – пестрота настроений и скрытый патриотизм. Перед Москвой. Оставление Москвы. До и после. Итого – что нужно для победы…». Завершается этот фрагмент наблюдений и выводов знаменательной фразой: «Поучительность т<ворчест>ва Толстого…».

Абрисно очерченный рукописный свод скафтымовских материалов к статье «Образ Кутузова и философия истории в романе Л. Толстого “Война и мир”» свидетельствует о том, что исследователю удаётся «отдать себя чужой точке зрения», и этот путь прочтения произведения, безусловно, продуктивен.

Список литературы

1. Александр Павлович Скафтымов. Методологические принципы исследований о Толстом (И. В. Чуприна) // Методология и методика изучения русской литературы и фольклора: Учёные-педагоги саратовской филологической школы / Под ред. проф. Е. П. Никитиной. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1984. С. 120–134.
2. Александр Павлович Скафтымов. Спецкурсы и спецсеминары (Е.И. Куликова) // Методология и методика изучения русской литературы и фольклора: Учёные-педагоги саратовской филологической школы / Под ред. проф. Е. П. Никитиной. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1984. С. 134–155.
3. Никитина Е.П. Умом и сердцем // Скафтымов А.П. Собрание сочинений. Избранные труды: в 3 т. Т. 1 / Составители Ю.Н. Борисов и А.В. Зюзин. Вст. ст. Е.П. Никитина. Примечания составили В.К. Архангельская, Ю.Н. Борисов, Л.Г. Горбунова, Н.В. Новикова. – Самара: Изд-во «Век #21», 2008. С. 5–21.
4. Из переписки А.П. Скафтымова и Ю.Г. Оксмана / Предисл., сост. и подгот. текстов А.А. Жук; Публ. В.В. Прозорова. Комм. А. А. Жук, Т. В. Ошаровой, В. В. Прозорова, А. А. Гапоненкова, Л. В. Коротковой, Г. И. Щербаковой // Russian Studies: Ежеквартальник русской филологии и культуры. Т. 1. Вып. 2. СПб., 1995. С. 255–325.
5. Скафтымов А.П. К вопросу о соотношении теоретического и исторического рассмотрения в истории литературы // Скафтымов А.П. Собрание сочинений. Избранные труды: в 3 т. / Составители Ю.Н. Борисов и А.В. Зюзин. Т. 1. Самара: Изд-во «Век #21», 2008. С. 23-47, 429-432.
6. Скафтымов А.П. Диалектика в рисунке Л. Толстого // Литературные беседы. Саратов, 1929. Вып. 1. С. 5–41.
7. Скафтымов А.П. О психологизме в творчестве Стендаля и Л. Толстого // Литературные беседы. Саратов, 1930. Вып. 2. С. 64–80.
8. Скафтымов А.П. Идеи и формы в творчестве Л. Толстого // Скафтымов А.П. Статьи о русской литературе. Саратов: Кн. изд-во, 1958. С. 258–281.
9. Скафтымов А.П. Образ Кутузова и философия истории в романе Л. Толстого «Война и мир» // Русская литература. 1959. № 2. С. 72–94.
10. Скафтымов А.П. Образ Кутузова и философия истории в романе Л. Толстого «Война и мир» // Скафтымов А.П. Собрание сочинений. Избранные труды: в 3 т. Т. 3 / Составители Ю.Н. Борисов и А.В. Зюзин. Примечания составила Н.В. Новикова. Самара: Изд-во «Век #21», 2008. С. 245–286, 513–516.

УДК 82-1/-9

ВЛИЯНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ, СОДЕРЖАЩЕЙ ЭЛЕМЕНТЫ МИСТИКИ, НА МОЛОДОЕ ПОКОЛЕНИЕ

Л.В. Павелкина

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, Саратов